

— Мне вот, например, вовсе не улыбается тесниться в одной комнате с толпой бородатых мужиков, — Е Вэньтао хитро улыбнулся. — С другой стороны, нельзя выделяться слишком сильно, так что уж прости, проживешь со мной, а остальные пусть сами делятся.

Выходцы из Клана Тан, чья жизнь изо дня в день проходит среди отблесков клинков, в тени козней и заговоров, эти девушки давно забыли, что они тоже женщины — хрупкие создания, которые нуждаются в заботе. Неудивительно, что про учеников Усадьбы Скрытого Меча вечно ходили слухи как о ветреных сердцеедах: кто устоит перед тем, кто явится на помощь в минуту слабости и предложит именно то, о чем ты больше всего мечтал? Вот только ученики Усадьбы проявляли лишь искреннюю заботу, а вовсе не глубокое чувство, но отделаться от репутации ловеласов они уже не могли.

Точно так же Тан Уянь до сих пор помнил те слова: не стоит слишком сильно терзать самого себя.

— Конечно, я бы с радостью устроил нас поудобнее, но Ян Чэн будет против. Он не хочет, чтобы его солдаты изнеживались, да и новобранцев баловать не намерен — боевой дух Тяньцэ не рождается в сытости и комфорте. Мое богатство и так делает поездку чересчур легкой для всех нас, если переборщить еще и с этим, Ян Чэн на меня попросту рассердится.

Проницательности Е Вэньтао, чья предусмотрительность охватывала каждую мелочь, Тан Уянь уже успел удивиться.

Впрочем, раз уж зашла речь о Ян Чэне...

— Молодой господин Е так близок с Ян Чэном?

— Мы вместе росли, — Е Вэньтао чуть приподнял уголки губ, ответив без малейшего колебания.

Ответ прозвучал слишком легко, согретый легкой улыбкой. Улыбка Е Вэньтао была невероятно хороша, и Тан Уянь любил на нее смотреть, но почему-то сейчас от этого зрелища у него на душе заскребли кошки — словно под кожей зашевелился крошечный, неприятный узелок.

Тан Уянь был умен — у каждого, кто досконально овладел боевыми искусствами Клана Тан, в голове был острый ум. Но сейчас он никак не мог взять в толк, отчего в груди вдруг поднялось такое удушливое раздражение. Он всегда привык держать себя под безупречным контролем — точно сложнейший прибор, включая собственную холодность, — и теперь эта внезапная, беспричинная вспышка будоражила его. Тан Уяню это не нравилось.

Заметив, что тот замер, покусывая палочки для еды и погрузившись в молчание, Е Вэньтао подложил ему кусочек острой курицы. Тан Уянь тут же очнулся и посмотрел на него.

— Пользуйся моментом, поешь получше. В городе мы останавливаемся нечасто, а в дороге снова придется грызть сухой паек — дичь в лесах нынче попадает не так уж часто.

Тан Уянь попробовал курицу. Повар и впрямь мастерски готовил блюда сычуаньской кухни — вкус оказался отменным и насыщенным.

— Сними-ка... маску, а? Здесь же только мы вдвоем, дай этой половине лица хоть немного подышать.

Тан Уянь на мгновение замер, но всё же протянул руку, снял маску и обнажил красивое лицо, лишенное всякой маскировки.

Е Вэньтао слегка удивился. И дело было вовсе не в том, что Тан Уянь оказался еще привлекательнее, чем он воображал, а в том, что тот так запросто обнажил лицо. Во время выполнения заданий ученики Клана Тан соблюдали предельную осторожность и никогда не снимали масок перед нанимателями. Проявлять к нему такую беспечность было откровенно глупо, но Е Вэньтао отчего-то почувствовал радость.

— Больше никогда не снимай маску так легко перед другими нанимателями. Те люди вполне могут оказаться теми, кому нужна твоя жизнь.

Тан Уянь, разумеется, это прекрасно знал — ему уже доводилось встречать заказчиков, готовых перерезать мост сразу после переправы. И тем не менее он сидел здесь целым и невредимым и спокойно ел.

Тонкие брови Тан Уяня чуть сошлись на переносице. Побуждаемый каким-то непостижимым импульсом, Е Вэньтао протянул руку и разгладил складку между его бровей:

— Хмуриться — это так некрасиво.

Тан Уянь, чьи мысли и так были полны смутной тревоги, рефлекторно оттолкнул руку Е Вэньтао. Звук получился неожиданно резким, и оба на мгновение замерли.

Даже это движение — отмахнуться от него — показалось до боли знакомым...

Е Вэньтао ошеломленно уставился на собственную руку. Тан Уянь тоже испуганно подался вперед. Хотя металлические костяшки на пальцах он снял, на руках все равно оставалась кое-какая амуниция, к тому же он ударил тыльной стороной ладони, а на перчатках в тех местах крепились скрытые механизмы для метания ядовитых игл — как бы не оцарапать кожу и не занести яд!

Впервые в жизни Тан Уянь всерьез задумался о том, не снять ли часть скрытого оружия и не отказаться ли от ядов.

Видя, как Тан Уянь торопливо схватил его за руку и принялся ее осматривать, вдобавок с заметным испугом на лице, Е Вэньтао почувствовал, как настроение взмывает вверх еще сильнее. Стол был маленьким, а из-за того, что Тан Уянь подался ближе, они оказались совсем близко друг к другу.

Е Вэньтао прекрасно знал, что кожа не поцарапана. Воспользовавшись удобным моментом и сократившимся расстоянием, он плавно повел руку вверх, подхватил Тан Уяня за подбородок и заставил непонимающе поднять глаза.

Широко улыбнувшись и сверкнув белоснежными зубами, он весело подмигнул:

— Ну же, улыбнись господину?

С довольным видом он наблюдал, как лицо только что недоумевающего парня мгновенно вспыхнуло ярко-алым румянцем.

Е Вэньтао отродясь не ложился рано. В эту ночь он зажег лампу и погрузился в чтение. Свет от стеклянного абапира падал ровно, заливая комнату ярким сиянием. Разумеется, в дорогу он книг не брал, эта попалась под руку среди вещей Ян Чэня — трактат по военному делу.

Искусство военачальников древности и впрямь заслуживало глубочайшего уважения. Сфера интересов Е Вэньтао была широка: раз уж ты рожден в Усадьбе Скрытого Меча, будь добр владеть и пером, и мечом, а не оставайся бездумным грубияном — в мире цзянху не выжить тому, кто полагается лишь на кулаки. Вот почему каждому ученику Усадьбы приходилось постигать азы музыки, шахмат, каллиграфии, живописи, а также поэзии и правил этикета. Пусть не до вершин мастерства, но знать всё это было необходимо. Подобное образование служило еще одной надежной опорой для учеников Усадьбы.

— Ха, — Е Вэньтао захлопнул книгу.

Улицы, днем бурлившие жизнью, теперь были мертвы и пусты. Глубокая ночь, третья стража — самое время для крепкого сна.

Е Вэньтао поправил фитиль, запахнул одеяло и лег.

Стоило в комнате стихнуть любым звукам, как из-за окна медленно выдвинулась тонкая трубка. Впрочем, довести дело до конца злоумышленникам не дали: отверстие трубки наткнулось на острие меча.

Узкая трубка для усыпляющего дыма уперлась в кончик лезвия.

— Сдается мне, со сном у меня полный порядок, и вашей помощи я не просил. Среди ночи — и такие бесцеремонные вторжения, нехорошо тревожить чужие сны.

Человек за окном испуганно охнул, спешно бросил трубку и отскочил назад, но было уже поздно. Е Вэньтао выбил створку окна и со всего маху врезал ударом ноги, впечатав лазутчика в землю. Тот рухнул без движения — то ли мертв, то ли жив.

Е Вэньтао приземлился на крышу напротив постоянного двора. Верхнюю одежду он даже не снимал — судя по всему, спать он и не собирался. С легким взмахом руки его меч описал в воздухе сияющий круг, а взгляд медленно скользнул по сторонам.

— Один, два, три, четыре, пять... пятнадцать человек. Немало.

Е Вэньтао усмехнулся. В этой улыбке не было дневной открытости — лишь презрение, мрачное и высокомерное. Из-за туч показалась луна, и лицо Е Вэньтао вместе с клинком в его руке покрылись холодной синеватой изморозью. От одного взгляда на него по спине бежали мурашки.

Пятнадцать фигур в черном не растерялись, поняв, что внезапное нападение провалилось. Не сводя с Е Вэньтао глаз, они заскользили по черепице, смыкая плотный двойной круг. Внешнее кольцо переплеталось с внутренним так, что стоило прорвать оборону изнутри, как брешь тут же затягивалась.

Среди глухого шуршания одежды в руках наемников скользнули длинные тяжелые цепи, на концах которых болтались массивные железные шары, волочившиеся по крыше.

Е Вэньтао стер с лица улыбку и стремительным выпадом бросился вперед.

В искусстве владения мечом Е Вэньтао намного превосходил любого из них, но за счет численности и слаженного строя убийцы могли оказывать ему серьезное сопротивление.

И правда, диковинный строй — гибкий, изменчивый, не имеющий фиксированного центра, способный измотать любого противника. Но для Е Вэньтао все эти дешевые фокусы не стоили ломаного гроша. Сменив легкий меч на тяжелый двуручный клинок, он решил действовать проще: раз строй держался на людях, значит, стоило перебить их всех до единого, и порядок рассыпется сам собой.

В этот момент одна из цепей обвилась вокруг клинка Е Вэньтао. Резким движением обратной стороны он отбросил незадачливого противника прочь. Пфф, тягаться силой рук с тем, кто орудует тяжелым мечом? Впрочем, брешь в их рядах тут же закрылась новым бойцом.

Как же они надоели.

Все вокруг затаили дыхание. Е Вэньтао вдруг приподнял бровь и со всей мочи взмахнул мечом в сторону. В тот же миг мимо его уха со свистом пронеслось нечто невидимое.

Двое из внутреннего круга отлетели под ударом Е Вэньтао, а по крыше пронесся сухой хруст ломанных костей, от которого сводило зубы. Одновременно с этим замертво рухнул еще один наемник во внешнем кольце — в его грудь вонзился тяжелый арбалетный болт, пробивший сердце насквозь.

В безупречном круге мгновенно образовалась брешь. Е Вэньтао выскользнул наружу и контратаковал. Лишенные поддержки своего строя, эти люди не представляли собой ровно ничего, тем более что Е Вэньтао теперь помогал скрытый стрелок: арбалетные болты, неизвестно откуда прилетавшие из темноты, разили без промаха, неизменно поражая врагов в самые уязвимые места.

Безмолвная смерть. Сама стрела летела бесшумно, а звук ее голоса раздавался лишь тогда, когда было уже слишком поздно — предсмертный звон уходящей жизни. И конечно, эти смертоносные болты метал не кто иной, как Тан Уянь.

В искусстве скрытных убийств Клан Тан всегда держал первенство. Заметив движение за окном, Тан Уянь сразу же приготовился к бою. Слегка приоткрыв створку окна, он благодаря превосходному ночному зрению и чутью прирожденного ассасина мгновенно определил позиции наемников. И хотя враги были сосредоточены на комнате Е Вэньтао, любое неосторожное движение могло выдать и его самого.

К счастью, Е Вэньтао выбил окно наружу и стянул всеобщее внимание на крышу напротив. Тан Уянь воспользовался моментом, выскользнул наружу и, укрывшись в тени под защитой техники Призрачной Тени, взвел арбалет, приготовившись в любую секунду прийти на помощь.

Первый выстрел был нужен, чтобы помочь Е Вэньтао прорвать кольцо. Не сводя глаз с обоих бойцов, Тан Уянь поймал нужный момент и выпустил болт именно туда, куда Е Вэньтао нанес удар — со стороны это выглядело плодом безупречного, слепого взаимопонимания.

В смертельном танце света и тени тела наемников быстро усеяли черепицу. Непрекращающийся лязг металла внезапно стих. Вокруг снова воцарилась ночная тишина — казалось, ничего и не было, если не считать горы трупов под ногами.

Е Вэньтао опустил меч и молча стоял на крыше, погруженный в задумчивость.

Спустя мгновение появился Тан Уянь. Оглядевшись по сторонам, он подошел к Е Вэньтао и коротко покачал головой:

— Все мертвы.

Те, кого не успели добить, покончили с собой. Ни единого живого языка не осталось, расспрашивать было некого.

Е Вэньтао нахмурился, разглядывая убитых, и пробормотал себе под нос:

— Похоже, мои догадки были не совсем верны...

— Что такое? — Тан Уянь склонил голову набок.

— Ничего, — Е Вэньтао поспешно отмахнулся. Подняв голову, он мгновенно вернул себе привычную лучезарную улыбку. — Эй, если мы не уберем эти тела, к рассвету здесь поднимется страшный шум! Посреди улицы всё-таки... Вдвоем-то мы до каких пор их таскать будем?

Тан Уянь легко оттолкнулся носками сапог и нырнул в комнату. Через мгновение он вернулся. Е Вэньтао стоял на прежнем месте, наблюдая за его действиями: Тан Уянь протянул ему маленький флакон, а второй зажал в собственной руке.

Е Вэньтао вопросительно посмотрел на него.

Тан Уянь пояснил:

— Порошок для растворения тел.

Фирменный секрет Клана Тан: растворяет в бесследную жижу и одежды, и кости.

Е Вэньтао попробовал — результат заслуживал всяческих похвал. Он с улыбкой поигрывал флаконом в руке:

— Какая полезная вещь! Сколько стоит? Я беру две склянки.

— Не продается, — Тан Уянь чуть помедлил. — В эту дорогу я взял с собой совсем немного.

Он привык к тому, что наемные убийцы не занимаются зачисткой следов, но в этот раз запасася средством на всякий случай, ради тщательной подготовки.

— Да я шучу, шучу! За работу!

Этот избалованный молодой господин в роскошных одеждах совершенно не чурался столь грязной работы. Посыпая тела порошком, Тан Уянь заговорил:

— Мне кажется, они не собирались тебя убивать.

— Угу, больше похоже на то, что меня хотели взять живьем, — Е Вэньтао покосился на обрывки цепей, явно предназначавшиеся для захвата пленника.

Порошок не брал металл, поэтому на крыше остались лежать клинки и тяжелые цепи. Е Вэньтао поймал за руку собиравшегося заняться оружием Тан Уяня:

— Эй, не трогай, там же повсюду этот порошок. Брось, пара оставшихся железяк погоды не сделает.

Ночь стояла холодная. Через кожаные перчатки почти не чувствовалось тепла, но Тан Уяню почему-то вспомнилось, как днем Е Вэньтао своими точеными пальцами приподнимал его за подбородок, отпуская насмешки, и от этой мысли его собственные ледяные ладони неожиданно показались ему горячими.

— Ха-а-а...

Ян Чэн широко зевнул, выйдя до ветру посреди ночи.

Сделав дело, он уже собирался вернуться, как вдруг заметил невдалеке чью-то одинокую фигуру. Белые одежды, легкий ветерок шевелит полы халата, а в руке переливается холодным сиянием бирюзовый меч. От всего этого веяло какой-то неземной, почти бессмертной чистотой.

Ян Чэн удивился: с чего это Вэнь Шуи поднялся среди ночи? И направился к нему поздороваться:

— Ого, тоже вышел? Там вон место есть поудобнее.

Он брякнул это чисто на автомате, не имея ни малейшего дурного умысла.

Вэнь Шуи одарил его презрительным взглядом, и в тот же миг раздался резкий свист рассекаемого воздуха — лепесток меча устремился прямо на него.

Вы видели когда-нибудь человека, который бы посреди ночи любовался мечом со столь отрешенным видом?

Цзинь!

— Эй-эй, давай обойдемся без резких движений, поговорим!

Вэнь Шуи посмотрел на копье, заблокировавшее его удар, и дернул уголком рта:

— Ты что, даже по нужде ходишь с оружием?

Ян Чэн неловко усмехнулся:

— Привычка. Оружие всегда при мне.

Вэнь Шуи убрал меч и легко провел ладонью по клинку. Этот меч они с Е Вэньтао подарили ему на двадцатилетие: руду добыл Ян Чэн, а лезвие из холодной ледяной стали Усадьбы Скрытого Меча выковал лично Е Вэньтао.

В кузнечном деле Е Вэньтао не знал равных. В Усадьбе Скрытого Меча мастеров хватало, но они не брались за работу по первому зову — то, что они создавали, никогда не шло потоком. Особый температурный режим, уникальные секретные техники — каждый меч был единственным в своем роде.

Получив клинок, Вэнь Шуи пришел в полный восторг. Это было великолепное, истинно драгоценное оружие, а чистая и холодная аура, исходившая от металла, словно создавалась специально для него. Е Вэньтао назвал меч Шуи — в честь самого владельца.

— Я просто не мог уснуть, вышел прогуляться.

— Понятно. Ну, а я спать.

— У тебя на душе тяжело.

Ян Чэн споткнулся на ходу и обернулся:

— С чего ты взял?

Вэнь Шуи ответил безмятежно:

— Возможно, ты и сам этого не замечаешь, но твое лицо выдает тебя. Это началось после ухода молодого господина Е.

Ян Чэн потер нос:

— Э, неужели так заметно?

Вэнь Шуи кивнул:

— Очень заметно.

В этой тревоге, в растерянности, читавшейся во взгляде, не было ничего от прежнего Ян Чэня — Вэнь Шуи никогда еще не видел его таким потерянным.

— Эх! — Ян Чэн воткнул копье в землю и тяжело рухнул рядом, усевшись прямо на траву. — Раз уж ты заметил, значит, Вэньтао тем более увидит. А он у нас слишком умен — уцепившись за малейшую зацепку, он потянет за ниточку и докопается до правды. Поэтому при нем я стараюсь даже не думать об этом. Но стоило нам выехать в путь, как я, видимо, расслабился — вечно носить всё в себе чертовски тяжело.

Ян Чэн тяжело вздохнул. Вэнь Шуи посмотрел на него и, помедлив, всё же спросил:

— Не хочешь рассказать?

Ян Чэн покачал головой. Вэнь Шуи приоткрыл рот, но так ничего и не произнес.

И правда: ту связь и взаимопонимание, что возникают между людьми, выросшими вместе, не повторить никому. К тому же Е Вэньтао умом превосходил остальных — ему достаточно заметить случайную тень на лице друга, чтобы начать складывать мозаику. Сам Вэнь Шуи на такое был неспособен: пусть он и силен в фехтовании, но когда дело касалось Ян Чэня, до проницательности Е Вэньтао ему было далеко.

Если бы... Впрочем, к чему теперь эти сослагательные наклонения.

Какое-то время они молчали: один стоял, другой сидел, каждый погруженный в собственные мысли.

Наконец Вэнь Шуи развернулся и зашагал прочь:

— Я спать. Ночью холодно, если вздумаешь дежурить — садись ближе к костру.

Ян Чэн криво улыбнулся в ответ, показывая, что понял.

После освежающего ночного ветерка сон у Ян Чэня пропал окончательно. Он поднял копье и принялся разминаться, отрабатывая удары.

Стражники, дежурившие неподалеку, с тревогой косились на него — если бы не страх разбудить остальных, они бы уже хлопали в ладоши от восторга.

Вэнь Шуи перевернулся на другой бок и, зажав глаза, слушал, как в тишине со свистом

рассекает воздух тяжелое копье.

В этих стремительных, отточенных движениях, в свисте разгоряченного ветра чувствовалось не только мастерство, но и затаенное желание выплеснуть накопившуюся горечь.

— Хозяин, мы проиграли.

В темном лесу человек в черной маске опустился на одно колено перед фигурой, стоявшей к нему спиной, с заложенными за спину руками.

— Тела исчезли без следа, оставшееся оружие мы уничтожили.

— Хм, — мужчина лениво перебирал пальцами, не проявляя ни малешего волнения. — Раз с ними был кто-то из Клана Тан, это наверняка их порошок для растворения тел. После стольких неудач я и не ждал, что на этот раз у вас что-то выйдет.

— Хозяин...

— Дела, что я поручал, улажены?

Голос звучал спокойно, но от него исходило незримое, давящее давление.

На лбу лазутчика выступил холодный пот. Его хозяин всегда отличался нравом переменчивым: сейчас он говорил так легко, будто обсуждал вечернюю трапезу, а в следующую секунду мог лишить жизни одним движением руки. К тому же все они были отравлены — иначе стали бы они по собственной воле служить этому демону во плоти.

— Всё исполнено точно по вашему приказу.

— Свободен.

— Слушаюсь.

Лазутчик только успел облегченно выдохнуть, как вдруг у самого уха раздалось шуршание. Он мгновенно подобрался:

— Кто здесь?!

Но мужчина даже не шелохнулся, холодно и монотонно повторив:

— Я сказал — свободен. Терпеть не могу повторять дважды.

Лазутчик открыл было рот, собираясь бросить стандартное предупреждение вроде «прошу хозяина беречь себя», но так и не произнес его. Поклонившись, он поспешно скрылся в темноте. Сколько бы он ни служил этому человеку, его характер оставался непостижимым.

Дождавшись, пока шаги затихнут, мужчина поднес к лицу прядь волос, упавшую на грудь, и принялся рассеянно наматывать ее на палец:

— Ну и долго ты собираешься ходить за мной по пятам?

Из-за деревьев неторопливо вышел человек в белых одеждах с двумя мечами за спиной — то был вечно странствующий Е Цэнь. Взглянув на стоящего перед ним мужчину в черных одеждах из тончайшего шелка с золотым узором и нефритовой шпилькой в волосах, Е Цэнь сразу понял, какова цена этого наряда — она была безумна. Мужчина был красив, но с его лица словно никогда не сходила тень мрачной меланхолии. В его темных глазах таилась такая глубина, а улыбка казалась столь хищной и манящей, что от одного взгляда на него леденела кровь.

— И это то, к чему ты стремился? — Е Цэнь горько усмехнулся. — Роскошные наряды, власть, жажда наживы? Если тебе так нужны дорогие одежды, я мог бы купить их для тебя. Если тебе нужна власть и положение — я бы помог найти нужный путь.

— Ха, — мужчина рассмеялся и шагнул ближе к Е Цэню. — Ты бы помог? А кто ты мне такой? Еще несколько лет назад я слышал, что у тебя появился неплохой ученик — вместо того чтобы тратить время на меня, отправляйся-ка домой нянчиться с детками!

Е Цэнь прикусил губу, сжав руки в кулаки:

— Ты приходишься мне сводным братом, я дал ему слово, что буду присматривать за тобой...

При одной мысли о нем сердце вновь пронзила острая боль.

— Сводным братом?! Ты замуж вышел или женился? Какое отношение ко мне имеют ваши обещания?! Человек мертв, его больше нет! Как ни старайся, он уже не увидит твоих усилий и не скажет спасибо!

— Тан Юй!

— Е Цэнь!

Два яростных возгласа потонули в лесу, ни одна из сторон не желала уступить. Е Цэнь трясся

от гнева:

— Мертв?! Что значит...

— А что? — безжалостно перебил его Тан Юй. — Мертв — значит, концы в воду. И даже если бы я молчал, это сущая правда!

— Ты...

Е Цэнь дрожал от ярости, его поднятая рука так и замерла в воздухе, не в силах опуститься ударом. Тан Юй стоял неподвижно, глядя на него свысока, словно говоря: «Ну же, ударь меня, я жду!».

Раньше тот был совсем другим — мягким, наивным, бесконечно повторявшим «братец Цэнь», чистым и трогательным.

Всё изменилось. И Е Цэнь, и Тан Юй изменились после его смерти.

Тан Инь... Тан Инь, Тан Инь, Тан Инь!

Е Цэнь мысленно повторял это имя, медленно разжимая кулаки. В его взгляде читалось одно лишь отчаяние:

— Если бы твой брат был жив, он бы ни за что не захотел видеть тебя таким.

Тан Юй издал звук, похожий на смех человека, услышавшего самую нелепую шутку в мире, и холодно бросил:

— Будь мой брат жив, я бы никогда не скатился до такого и не стал бы заниматься подобными делами!

Его Тан Юй отроду не был любителем совать нос в чужие дела или взваливать на плечи чужие проблемы. К сожалению, тот, кто всегда укрывал его от любых бурь, исчез, а суровая реальность требовала взрослеть и принимать решения.

Брат говорил, что он не создан для ремесла убийцы. Да, мягкий по натуре, ценящий тишину и покой Тан Юй не любил кровопролития, но если уж он брался за дело, то шел до конца с беспощадной жестокостью!

Е Цэнь так и не смог выяснить, чем именно занимался Тан Юй — уследить за его изменчивыми перемещениями было слишком трудно. Чаще всего он терял след, блуждая впотьмах, и лишь

изредка, случайно натолкнувшись на обрывки улики, мог свидеться с ним.

— Хорошо, пусть будет так, — Е Цэнь глубоко вздохнул. — Кем бы ты ни стал и чью бы кровь ни проливал — этих людей я не знаю. Но запомни: за всё приходится платить. Если я узнаю, что ты творишь злодеяния и губишь невинных, я без колебаний покончу с тобой собственной рукой. Уж лучше погибнуть от моего меча — это избавит тебя от лишних мук и послужит хоть какой-то расплатой перед ним.

— Ха... ха-ха... ха-ха-ха! — Тан Юй вдруг расхохотался, запрокинув голову.

Е Цэнь не понимал, чему тот смеется, и просто ждал, не прерывая и не задавая вопросов.

Вдоволь нашумевшись, Тан Юй резко развернулся, взмахнув рукавом, и зашагал прочь, не оглядываясь. Его слова прозвучали с чеканной четкостью:

— Е Цэнь, когда этот день настанет — я, Тан Юй, буду ждать тебя!

Интересно, если бы ты, Е Цэнь, знал, кого именно я собираюсь уничтожить, неужели ты бы прямо сейчас разрубил меня своим мечом?

<http://bllate.org/book/21111/2142508>